З.П.Соколова

ИЗОБРАЖЕНИЯ УМЕРШИХ У ХАНТОВ И МАНСИ[1]

Обычай хантов и манси изготовлять изображение умершего после смерти человека и хранить его определенное время в доме не раз освещался в этнографической литературе[2]. Из работ, изданных в последние три-четыре десятилетия, интересны статьи и работы В.Н.Чернецова[3], краткая сводка материалов об этом явлении с анализом изображений умерших, хранящихся в музеях, в работе С.В.Иванова[4], статьи Б.П.Шишло[5]. В некоторых наших книгах и статьях[6] также приводятся материалы по этому вопросу. Цель данной работы - исследовать формы изображений умерших на основе наших полевых материалов, архивных музейных собраний и литературных данных.

Изображение умершего - это вместилище одной из душ человека, а именно - реинкарнирующейся, или четвертой, души, по классификации В.Н.Чернецова, называемой "лили" и ассоциируемой с дыханием[7]. Место ее обитания чаще всего - голова, волосы. Вероятно, именно поэтому изображение умершего нередко называют *сонгыт, шонгот* - череп, и к голове изображения умершего прикрепляют волосы умершего. В этом

© З.П.Соколова, 1995 г.

нас убеждают и сроки хранения изображений умерших в доме - 4-5 лет[8]. В течение этого срока реинкарнирующаяся душа может возродиться в новорожденном[9]. Добавим также, что на изображение умершего надевали полный комплект одежды - несколько рубах или платьев, халат (на женское изображение), суконный кафтан или *гусь*, меховые *малицу*, *совик* или шубу.

Очень часто изображение умершего не имело жесткой основы. Таково, например, изображение умершей жены нашего информатора из селения Оволынгорт на р.Сыня[10]. Только из одежды было сделано и изображение умершего старика Муркина из стойбища оленеводов Хорьер на р.Сыня[11]. В подобных случаях основу изображения составляли платья, рубахи или кафтанчики, одетые друг на друга, либо вставленные один в другой. Такое изображение умершей женщины было обнаружено нами среди других изображений умерших в сундуке брошенного дома селения Нимвожгорт на р.Сыня. Здесь маленькое ситцевое малиновое платье и суконный распашной светло-коричневый кафтанчик были соединены завязками и вложены один в другой. Еще два таких же кафтанчика из желтого сукна с рукавами, воротником и завязками черного сукна были сложены углом и вложены в первую связку одежды. Угол одного из кафтанчиков высовывался из связки одежды, имитируя голову. Сверху были надеты еще два черных суконных кафтана-халата типа женской одежды *нуй-сах*. Размер изображения - 25х13 см[12].

На окраине поселка Лопхари в устье р.Куноват (правый приток Оби) в 1973 г. нами была найдено маленькая (длиной 20 см) женская меховая шубка, по всей видимости, - изображение умершей женщины, которое выбросили в лесу после истечения срока хранения его в доме. Возможно, такое же изображение умершей женщины хранилось на чердаке старого, разрушившегося дома в заброшенном селении Шишинги на р.Обь. К сожалению, все, что хранилось на чердаке, было уже потревожено. Поэтому не совсем ясно, была ли маленькая одежда, одетая друг на друга, остатком изображения умершего; возможно, она относилась к находке металлического изображения лягушки[13].

В селениях Шишинги и Нимвожгорт были найдены два изображения умерших женщин, также составленные из одежды - Рис.1. В первом случае лицо имитировала монета. В поселке Лопхари изображение умершего старика Яркина тоже было сделано из одежды маленького размера, а лицо имитировала расплющенная монета[14].

Одно из трех изображений умерших, найденных нами в 1973 году на чердаке старого дома селения Шишинги, было сделано из маленькой одежды, а его голова - из двух свернутых кусочков свинца. Голова обернута в кусочек ткани, имитирующий платок. Одежда - два платья-рубахи, одетые друг на друга, из оранжевой и полосатой ткани (размер 23х14 см). Рядом лежала маленькая одежда - меховой *сах*, *малица* с капюшоном и маличной рубашкой из синей ткани. Шуба-*сах* - двуслойнаая, мехом внутрь и наружу, украшена аппликативными полосками светло-оранжевой ткани. У нее две пары завязок из цветной ткани. Сзади к вороту пришиты две нитки из прозрачного бисера. Размеры ее 19х12 см. Подол и края маличной рубашки обшиты красной тканью. Вокруг ворота повязана тесьма, концы ее спускаются на спину. Пояс поверх маличной рубахи-сорочки - из оранжевой хлопчатобумажной ткани, такой же, как и одна из рубах изображения умершего (Скорее всего, малица с маличной сорочкой и относились к этому изображению умершего). К поясу привязано медное кольцо, один конец пояса обрезан, возможно, вместе с монетой, которую обычно родственники умершего привязывали к одежде такого вместилища души. Размеры этой

одежды 20,5x13,5 см. Это изображение умершего было найдено с двумя другими и подарками-приношениями им[15].

Три изображения умерших, найденных нами, имели деревянную основу. Это, во-первых, изображение умершего, очевидно, женщины (верхняя меховая одежда истлела, а нижние платья и рубахи у мужских и женских изображений имеют одинаковый покрой) из разрушенного старого дома селения Оволынгорт[16]. Ее основу составлял бюст (6x2 см) с прорезанными чертами лица. Во-вторых, это два из трех изображений, обнаруженных нами в 1973 г. на чердаке старого дома селения Шишинги, в котором раньше жили ханты Литва (Рис.2,3). Основу этих изображений составляли также деревянные бюсты, но на месте лиц были монеты. Мужское изображение несколько отличалось от женского: монета, имитирующая лицо, была вставлена в выдолбленную основу головы. Одето изображение умершего мужчины было в две рубашки из пестрого ситца и коричневой ткани, малицу с капюшоном из коричневого оленьего меха с черной маличной сорочкой. Маличная рубаха-сорочка по подолу и краю ворота обшита красной тканью. Пояс поверх маличной сорочки - из покупной тесьмы, как и лента на шее другого изображения умершего, о котором мы уже говорили. Сзади к поясу привязано медное кольцо. Размер изображения 20x14.5 см, его основы - 10x6 см. У женского изображения голова и лицо плоские, монета положена на лицо, а поверх обвязана марлей (Рис.4). Размер изображения - 13x6 см, его основы - 6x3 см. Одежда на нем состоит из двух платьев, пестрого ситцевого и коричневого шелкового, надетых друг на друга. Поверх надета распашная шуба-*сах* из коричневого оленьего меха с двумя парами ровдужных завязок. Пояс - розовая лента. В конец ленты завязана монета 15 копеек 1946 г. Вместе с этими изображениями на чердаке лежали четыре вотивных маленьких головных платка, одежда (совик, два халата), а также шесть больших головных платков, одиннадцать кусков ткани, шкурка зверька. Совик из белого оленьего меха имел такие же размеры, как и изображения умерших. Такой же величины был и халат из черного ситца, обшитый по полам и подолу розовым ситцем. В его рукаве были завязаны две монеты по 2 и 5 копеек 1905 г. В два раза больше был халат из хлопчатобумажной ткани с заостренным капюшоном, длинными рукавами и завязками. Еще больше (до 50 см длиной) был другой халат из черного сукна с широким воротником. Маленькие вотивные и обычные головные платки сшиты из кусков пестрого ситца, с пришивными декоративными полосами ткани другого цвета и самодельной бахромой. В уголке одного из покупных платков была завернута монета 15 копеек 1932 г. В уголках кусков ситца были завязаны монеты по 10, 15 и 20 копеек 1902,1932,1933,1936,1941 и 1945 гг. На платках и кусках ткани заметны следы крови жертвенных животных[17].

Четыре изображения умерших имели металлическую основу. Это два изображения из селения Горбунгорт, одно - из селения Вытвожгорт, одно - из селения Нимвожгорт на р.Сыня. Основу горбунгортских изображений умерших мужчины и женщины составляли свинцовые фигурки, одна из которых была зооантропоморфной. Размер этой фигурки около 6 см. Изображение умершего мужчины антропоморфное, оно было одето в мужскую одежду (*малицу*), но она истлела; изображение женщины было одето в шубу-*сах*. Размер изображений в одежде 16x9 см. Размер нимвожгортского изображения умершего мужчины - 22,5x12 см, длина его металлической антропоморфной фигурки 9 см. У нее намечены черты лица. Это вместилище души было одето в две рубахи, малицу из оленьего меха, светлый суконный совик, маличную рубаху, еще один суконный совик, и еще одну маличную сорочку с поясом. Вытвожгортское изображение умершего мужчины поменьше, длина металлической фигурки - 4,5 см, руки у нее только намечены. Размер ее в одежде - 20,5x11,5 см. Вместе с изображением умершего мужчины в сундучке хранились подарки ему - 6 специально сшитых из светлого оленьего меха маленьких совиков, 6 таких же распашных шуб-сахов, 6 вотивных ситцевых головных платочков, связка из двух головных платков и шкурки зверька с монетой 1935 г., а также деревянная игла и шаблон для плетения сети[18].

Возможно, изображением умершего была и фигурка лягушки, найденная нами в селении Шишинги в доме Пузылановых, который был брошен и разрушился. Она хранилась, по всей видимости, в сундучке, который был найден в развале кровли дома. Рядом лежали одежда и жертвенные платки с монетами 1893 и 1903 г. Сама фигурка лягушки длиной 6 см была завернута в тряпочку, а не одета, как изображения умерших, в платья или рубахи. Но, как мы увидим далее, иногда и вместилища души завертывали в лоскутки ткани. Зооморфные, тотемического происхождения изображения умерших в прошлом были характерны для обских угров[19]. Маленькая одежда, характерная для изображений умерших, была найдена и здесь, где мы обнаружили фигурку лягушки[20].

В другом разрушившемся от времени доме селения Шишинги в 1973 г. мы нашли еще одно изображение умершего. Оно хранилось в круглой берестяной коробке, завернутое в желтый шелковый платок. Изображение умершего имело свинцовую основу - бюст размером 4x2,5 см, на лицо была наложена монета 10 копеек 1923 г. Одето оно было в зимнюю одежду с капюшоном (малицу?), которая истлела. Вместе с этим вместилищем души лежали стеклянная серьга, детская игрушка (деревянная баночка) и круглая металлическая коробочка с мелкими лоскутками в ней.

Изображения умерших на рр.Сыня и Куноват назывались *иттарма*.

После трагической гибели человека, какой-либо неестественной смерти делали два изображения умершего - обычное *иттарма* и особое, называвшееся *ура*. Эти изображения были больше по размеру - до 40 см в высоту и не имели основы. Они были сделаны из одежды. Такие изображения хранились не дома, а в особых амбарчиках на специальном месте-хранилище *Ура*. Нами впервые были открыты такие хрнилища и изображения умерших (утонувших) людей[21]. Но, как мы покажем далее, возможно, что такие же изображения умерших трагической смертью встречались исследователями и ранее, но были приняты ими за обычные.

Об еще большем многообразии форм изображений умерших у хантов и манси свидетельствуют музейные материалы.

Изображения умерших, сделанные из одной одежды, хранятся в Музее антропологии и этнографии (МАЭ), Российском этнографическом музее (РЭМ; прежнее название - Государственный музей этнографии народов СССР; по тексту далее в зависимости от контекста даются два сокращения - РЭМ и ГМЭ) в Санкт-Петербурге, в Тобольском краеведческом музее и Национальном музее Хельсинки (Suomen Kansallis museo).

В Тобольском музее наряду с детскими куклами-игрушками хранятся около десяти изображений умерших с рр.Северная Сосьва, Казым и Обь[22]. В отличие от детских кукол они не имеют головы (у детских кукол голова сделана из утиного клюва). В описи они названы "акань" или "акань-пох" (*акань* - кукла, *пох*-парень). Все они сделаны из маленькой одежды - малицы или распашной шубы-сах (в зависимости от пола умершего), либо рубах-платьев из ситца. Одежда украшена бляшками, суконными цветными полосками, аппликацией из ткани. Из сукна имитированы косы. У одного изображения умершего (V 1605) маленькая обувь имитирует ноги. У трех изображений (V 1602, V 1603, V 1627) есть и голова, она сделана из ткани, но черты лица не намечены. Два изображения (из Обдорска) помещены в миниатюрные колыбельки (V 1638, V 1639). Подобные изображения умерших, помещенные в колыбель, известны также из описания Н.Подревского[23].

В Национальном музее Хельсинки хранятся изображения умерших, собранные в 1911 г. Т.В.Лехтисало среди нижнеобских хантов и ненцев. Три таких изображения хранились в сумочке из оленьего меха[24]. Два из них изображают умерших мать и дочь ханта Гавриила Секова с р.Полуй. Размеры изображений - 10,11 и 12,5 см. Они сделаны из маленьких распашных шуб, голова и лицо - из ткани, на голове - платок. К голове прикреплены косы, сплетенные из шерстяных ниток и украшенные цепочками, бусами. Вокруг лица одного изображения пришита нитка с бисером, спускающаяся на грудь. В коллекции Лехтисало имеется также группа из десяти изображений умерших хантыйского шамана Етапчи Яхатчи и его родственников (вероятно, с Полуя). Три из них имеют основы[25]. Основы умерших изображений мужчин сделаны из малиц с капюшоном, поверх которых одеты ситцевые маличные сорочки, подпоясанные лентами из ткани, поверх женского изображения - шуба. Размеры изображений умерших - 10х5,5 см, 12х5 см, 13х7 см. Остальные вместилища душ имеют деревянную основу.

По всей видимости, не имели основы изображения умерших, зарисованные И.Н.Шуховым в долине р.Щучья (Ямбуринский рукав) в 1913 г. у хантов[26]. Голова и лицо у этих вместилищ душ, насколько это видно из рисунков, сшиты из ткани. Оба изображения, как это явствует из подписи к рисунку, мужские, однако одно из них в малице, другое - в распашной одежде. На малице тоже видна вертикальная черта разреза, как на распашной одежде. Одежда украшена кольцами, бусами, пуговицами.

Н.Ф.Прыткова описывает два экспоната из фондов МАЭ, состоящие из связок миниатюрных одежек[27]. Она считает их жертвенными. Думается, что это были своеобразные изо-бражения умерших, составленные из одежды, как мы это видели на р.Сыня в селении Нимвожгорт. Случаи хранения изображений умерших трагической смертью в доме умершего отмечены нами на р.Куноват[28]. Изображением умершего была, вероятно, связка из семи халатиков (*эрназын-хо*) из коллекции И.Н.Шухова (р.Казым или Полуй), которая висела на дереве около дома[29]. Следует обратить внимание на вторую часть термина: *хо* - 'человек' (одежда олицетворяла человека). Изображение умершего из ткани со стеклянной пробкой вместо головы хранится в РЭМ[30]. Об изображениях умерших из ткани с металлической пластинкой на месте лица писали Л.Бекетов и М.Ковальский[31]. Такие же изображения умерших у ненцев описаны Л.В.Хомич[32]. С.В.Иванов описывает изображения умерших казымских хантов, шитые из ткани; лица у них вышиты[33]. К.Ф.Карьялайнен сообщает о других изображениях умерших у казымских хантов: они тоже делались из ткани, но на месте головы прикреплялись срезанные волосы умершего. Иногда на месте лица такого изображения была металлическая пластинка[34].

Среди музейных собраний изображений умерших чаще встречаются такие, которые имеют деревянную основу. В коллекции С.И.Руденко есть три таких изображения умерших хантов (*сонгыт-харл*) с Нижней Оби (селения Сянзы и Лабытнанги). Это маленькие, длиной 15-16,4 см деревянные антропоморфные фигурки с чуть намеченными ногами и головой[35]. У одной из них лицо - из медной пуговки, а голова завернута в красное сукно, к которому прикреплены медные цепочки с кольцами. Это изображение обнаружено в могиле. Другие деревянные изображения умерших в коллекции С.И.Руденко - *нгытырма* -

вместилища душ умерших шаманов и шаманок. По его данным, эти люди бессмертны (так считают ханты и ненцы). У хантов подобные изображения называются *лонг сонгыт*, у манси - *иттарма*, у ненцев - *нгытырма, итырма*. Их хранят неопределенное время в доме, в специальных ящиках *нгытырма-ларась* (ненцы), *ай-ларась* (ханты)[36]. Два изображения умерших шаманов из селений Сумут-нел и Пам-пугол на Нижней Оби - это деревянные фигурки с головой, без ног, с намеченными руками-обрубками, процарапанными или прорезанными чертами лица, в одном случае основа - палочка[37]. Одеты они в малицу с капюшоном. Длина изображений от 15 до 23 см. В ящичке они лежали на меховой подстилке. Третье изображение умершего из хантыйского селения Етлог-горт у Обдорска (Салехард) - умершей шаманки. На месте лица этой фигурки была медная пуговка. Фигурка одета в короткий черный суконный *гусь*, сверх него - меховая шуба-сах, подпоясанная платочком с бахромой, на голове у нее платок. К костюму прикреплен наперсток. Длина фигурки 18 см. Еще одно изображение из Амдермы - ненецкое. Это деревянная фигурка с ногами (вырезаны даже ступни), с руками-обрубками. Глаза и рот прорезаны, нос выпуклый. Одета фигурка в две меховые шубки без подкладки, подпоясанные маленьким шелковым вотивным платочком с бахромой из ниток. Это - "бабушка", подарена ненке её свекровью, сделана "лет 100 назад"[38].

В могиле было найдено и другое изображение умершего из дерева. Его обнаружил Соммье под Сургутом[39]. Это фигурка человека без ног. Вероятно, она была в одежде, которая истлела. Изображением умершего было, по всей вероятности, первоначально и изображение прадеда Ивана Сопыча с р.Аган, доставленное в ГМЭ Р.П.Митусовой[40]. Это фигура человека из дерева 18 см длиной, одетая в несколько распашных одежд из сукна и ситца. Она хранилась в амбарчике недалеко от дома (юрты Тумуры-пугол).

В МАЭ хранятся изображения умерших обдорских хантов, сделанные из дерева[41]. Одно из них похоже на содержащееся в коллекции С.И.Руденко изображение *сонгыт-харл*, туловище его завернуто в ткань. Другое не имеет ни рук, ни ног и помещено в носовую часть миниатюрной лодки. Вполне вероятно, что хранящаяся в Ханты-Мансийском краеведческом музее деревянная фигурка шамана в национальной одежде и шаманском головном уборе, высотой 27 см тоже была изображением умершего. Похожа на изображение умершего и другая антропоморфная деревянная фигурка в двух рубашках и халате, высотой 32 см, под названием *лонх*[42].

Большая коллекция деревянных изображений собрана Т.В.Лехтисало для Национального музея в Хельсинки у нижнеобских хантов и ненцев[43]. Их семь. Основу их составляют деревянная фигурка без рук и ног длиной 8,5 см[44] или деревянный бюст длиной 6 см[45]; в других случаях - это просто обструганная щепка, иногда заостренная на месте головы, длиной от 5 до 7-8 см, шириной от 1,5 до 2-3 см. Поверх деревянной основы надета миниатюрная одежда: на изображениях мужчин - малица с капюшоном и маличной ситцевой сорочкой, подпоясанной шерстяным шнурком, изображения женщин - в меховой шубе и ситцевом платке. Размеры фигурок в одежде - 12x6,15x9,18x8,22x7,18x10,21x11 см. У одного изображения на месте лица - пуговка[46], у другого - металлическая пластинка от коробки фабричного производства[47]. Из жести той же коробки (на ней сохранились буквы от надписи) сделан головной платок другого изображения умершей женщины[48]. В коллекции Лехтисало есть и другие деревянные изображения умерших хантов. Одно из них - изображение мужчины, умершего в 1908 г. Оно представляет собой деревянную фигурку с ногами, круглой головой. На лице вырезаны глаза, нос, рот. В отверстия глаз вставлены синие бусы. Фигурка одета в черный суконный *гусь* с капюшоном и такие же чулки. С ней хранился нож в ножнах[49]. Другое изображение - с р.Полуй, его продал хант Константин Секов. Это деревянная фигура высотой 20 см, завернутая в лоскут ситцевой ткани и одетая в малицу с капюшоном. Черты лица не обозначены[50]. Изображение умершего в 1905 г. отца ханта Ляшкина из селения Вылпосл-пугол хранилось дома, в коробке. Его "кормили" каждый день. Это деревянная фигурка высотой 18 см без рук, с ногами без ступней. Глаза и рот процарапаны. Фигурка завернута в кусок ткани, поверх надеты глухая кожаная одежда с капюшоном, суконный гусь, сверху - еще один гусь, сшитый из толстой ткани и сукна разных цветов (красного, синего и желтого), отороченный мехом[51]. У шамана Райка из рода Поронгуй хранилось изображение умершей матери жены из племени Харка Мейеко Кари. Это деревянная фигурка с ногами, черты лица вырезаны. Одета она в меховую шубку, подпоясанную шерстяным пояском, на котором висит бляшка. Изображение хранилось в меховой сумочке[52]. Еще одно изображение умершего с лицом, имитированным монетой, перешло к дочери от отца, давно умершего ханта Хонде (селение Вылпосл-пугол). Но изображение еще хранили дома, в коробке и "кормили". Его туловище сделано из щепки, оно завернуто в кусочки ткани и меха, сверху надет суконный гусь из разноцветной ткани (красной, желтой, синей и черной). Капюшон меховой. Высота изображения 15,5 см[53]. Другое изображение умершего "лет 10 назад" (примерно в 1901 г.) старика ханта Наноку подарил Лехтисало его владелец, сделав после этого новое изображение. Старое и новое изображение еще "кормили". Лехтисало пишет, что в течение 3 лет после смерти человека его изображение (вместилище души) называется *сидерянг*, а по истечении этого срока - *нгитерма*. Деревянная фигурка с оловянной бляшкой на лице была завернута в кусок шерстяной ткани, сверху была надета меховая малица с суконным капюшоном[54]. Изобрражение хантыйского праотца Ядачи (*ядачи* -'крюк'. *Поронгуев*

изображался вместе с крюком) хранилось в качестве духа-покровителя. Это деревянная скульптура с круглой головой, на плоском лице вырезаны выпуклый нос, рот, отверстия для глаз. Он одет в глухую одежду из кожи с капюшоном, подпоясан кожаным ремешком, на ногах - черные суконные чулки. За поясом у него железный крюк[55].

Среди изображений умерших ненцев в коллекции Т.В.Лехтисало также много деревянных. Лехтисало сообщает, что обычай делать и хранить изображения умерших характерен лишь для обских ненцев, заимствовавших его у хантов. Изображение умершей матери ненца Григория Ивановича хранилось в сундучке фабричной работы размером 25x16x7 см. Изнутри на его крышке прочерчен крест (возможно, кровью жертвенного животного). На дне его лежали кусочки шкурок оленя и лесных зверей, мешочек из ситца, кусочек сукна. Изображение - без рук, но с ногами. Лицо на круглой голове сделано прямым затесом, глаза и рот процарапаны. Изображение завернуто в ситцевую ткань, как бы составляющую платье и платок. Поверх ткани - распашной халат из красного, синего и желтого сукна, украшенный аппликативными полосками, и меховая шуба из вытертой оленьей шкуры. Одежда подпоясана шерстяным шнурком. Это изображение "кормили", вечером с него снимали одежду и клали "спать". Изображение умершего не должно было лежать на солнце: в загробном мире, по поверью ненцев, нет солнца (вероятно, именно поэтому ханты не очень охотно разрешали мне фотографировать изображения умерших на улице. - З.С.). Лехтисало сообщает, что через 3-4 года изображение молодого умершего (*сидерянг*) хоронят на кладбище, старого (*нгитерма*) оставляют дома, оно становится *хаехе* - духом-покровителем[56]. Среди вещей шамана из рода Тохо был деревянный ящичек с четырьмя изображениями умерших[57] (в описи сделаны две противоречивые записи: "изображения умерших" и "детские куклы шамана". Правильна, вероятно, первая). В ящике они лежали на оленьей шкурке. Вместе с ними лежали круглая маленькая шапочка из хлопчатобумажной ткани, обшитая ровдугой (вероятно, модель шаманской шапки), две суконные рукавицы без пальцев, плетеный шерстяной шнурок, к которому были привязаны колокольчик и монетка 5 копеек 1875 г. Все изображения были деревянными, три из них, мужские, были одеты в малицы с капюшоном и маличные рубашки, подпоясанные лентой из ткани. Размеры их - 15x5, 12x5, 9x5 см. У самого большого изображения к туловищу внизу был прикреплен мешочек, как бы продолжающий туловище. Изображение женщины одето в распашную шубу, подпоясанную пояском из ткани, и шапку. Размер его 14x7 см.

В коллекции Т.В.Лехтисало хранятся изображения умерших родителей ненца Пиди Вануйта Нойнгода. Оба - отец и мать - были шаманами. Изображение матери - Некотце Салендер - представляет собой деревянную фигурку 19x10 см с круглой головой, ногами и руками. На плоском лице процарапаны глаза и рот. Фигурка одета в суконную ткань, затем - в оленью шубу с облезлым мехом. По полам и подолу шуба украшена красным сукном и подпоясана шерстяным пояском, на котором висит кольцо. На голове - шапка-капор из черного и красного сукна, отороченная мехом. Завязки шапки связаны вместе с концами длинного воротника шубы из красного сукна. Манжеты на рукавах шубы - из желтого сукна, завязки шубы - из хлопчатобумажной ткани. Размер изображения в одежде - 24x11 см[58]. Изображение отца Пиди Вануйта - Хатава Вануйта - тоже деревянное. Это бюст длиной 6 см, на лице - медная бляшка. Оно одето в три ситцевые рубашки, малицу с капюшоном и короткий совик, подпоясанный лентой из ткани. На голове под капюшоном - кусок красного сукна. Размер изображения в одежде - 21x10 см[59]. Похоже на это изображение и другое[60]. Основу его составляет антропоморфная фигурка длиной 9 см с медной пуговкой на месте лица; под пуговку подложен кусочек жести. У фигурки лишь намечены выпуклости на месте головы и рук, внизу туловище чуть удлиненной формы. Одета фигурка в малицу с капюшоном и зеленую маличную сорочку. Размер ее в одежде 20x13 см. Она называется *нгитерма*.

Изображение Фиектова - отца ненца Николая Нгадерина, умершего "60 лет назад" (около 1850 г.), тоже представляет собой деревянную фигурку, у которой голова и лицо обшиты кожей. Руки и ноги лишь намечены, но на ногах надета меховая обувь. Фигурка одета в меховой совик, поверх него - два *гуся* из сукна (верхний гусь - из желтого сукна, капюшон оторочен красным сукном). Размер изображения - 30x13 см. Оно хранилось дома в коробке вместе с изображениями духов-покровителей дома *хаехе*. Весной и осенью ему жертвовали мясо[61].

В МАЭ хранится изображение умершего охотника, ненца с р.Таз, привезенное в 1914 г. И.Н.Шуховым[62]. В описи говорится, что это предок, называется *нытырма,* он помогает во время охоты ("промысловый божок"). Изображение сделано из дерева, глаза - бусины. Одежды на нем нет, на лице - следы сала от "кормления". Изображение имеет две головы и два туловища (второе - его жена).

Своеобразные деревянные изображения умерших хантов привезены с Нежней Оби С.И.Руденко в 1910 г. (селения Аксарка и Сумут-нел). Они тоже деревянные, называются *сонгыт*, но деревянное туловище изображения прикреплено к березовому туеску или кузовку, с которым как бы составляет единое целое. Одежда сшита такого размера, что надевается на фигурку вместе с туеском, как бы составляющим часть туловища. Вместе с тем туесок - хранилище вещей, положенных вместе с изображением умершего: в туесках разных изображений умерших лежали берестяные табакерки с нюхательным табаком, деревянные ложки, берестяные сосуды (в длину эти предметы имели до 15-17 см), кусочки оленьего меха, стружки

вотлеп, трубка с табакеркой и курительным табаком, наперсток, чашка с блюдцем, нож. В берестяных сосудах были жир или печеное тесто[63]. Берестяной туесок, прикрепленный к туловищу изображения умершего, был обшит обручами из прутьев и тканью, к которой были пришиты бусы и бляшки. Сама деревянная фигурка сделана из обрубка дерева, щепки или прутика. На месте лица - монета, медная пуговица или бляшка, оловянная пластинка, иногда - бляшка вместе с жестяной пластинкой. Одежда на изображениях меховая шуба с завязками, с меховой или суконной подкладкой, либо суконный красно-черный халат *нуй-сах* с завязками, иногда на меховой или из ткани подкладке, поясок - шерстяной. На голове - платок, меховая шапка или суконный капор, нередко - два или три головных убора, надетые друг на друга. У капора - длинные широкие ленты серого или зеленого сукна до самого низа одежды, украшенные цепочками из колец, подвесками из бус, бляшками. Длина изображений в одежде - от 17-23 до 31-47 см. Изображения хранились в амбарчиках *сонгыт-хот* (ханты), *сидерянг-мя* (ненцы)[64]. С.И.Руденко приводит названия таких изображений умерших у манси - *перк пяди мут*, *ант акань*, *сидерянг*, у хантов - *сонгыт*. В амбарчике могло храниться до десяти изображений умерших одной семьи. Они сидели там на сиденье из оленьего меха. Дома изображение хранили 2 - 2,5 года (по сакральному счету хантов и манси - 4-5 лет). Делали эти изображения женщины-родственницы умершего (но не жена и не мать) после смерти человека. Руденко сообщает, что прежде через шамана узнавали "волю" умершего относительно судьбы его изображения: если он "не хотел", чтобы его изображение клали в могилу, для этого делали амбарчик.

Аналогичное такому изображению есть и в коллекции Т.В.Лехтисало. Это изображение сына ненецкой женщины 70 лет. Туловище изображения - деревянное, соединенное с берестяным туеском, на месте лица - медная бляшка. В туеске - кусочки меха. Сам туесок обшит красным ситцем. На голове изображения - кусок красного сукна, одето оно в черный суконный халат с красными хлопчатобумажными завязками. Размер изображения 31x20 см[65].

Несколько деревянных изображений умерших хантов и манси опубликованы В.Н.Чернецовым[66]. К сожалению, автор не указал, где хранятся эти изображения. По всей вероятности, эти вместилища душ - *мохор, шонгет, акань, итерма* - из собраний РЭМ и МАЭ; одно из них - на рис.4, - помещено в нос миниатюрной лодки[67]. Кроме одного (расположенного в центре, рис.4), все они, видимо, деревянные. Интересно изображение с туло-вищем в виде ящика (вероятно, это так же, как и у *сонгыт-харл*, - хранилище для вещей, сопровождавших изображение умершего). Наконец, можно привести еще один пример деревянного изображения умершего, опубликованного Н.Ф.Высоцким в 1908 г. и С.В.Ивановым в 1970 г.[68] Оно хранится в Казанском музее и представляет собой деревянную фигуру мансийской женщины в малице. Лоб и лицо изображения покрыты куском оленьей шкуры. Длина его 60 см, это самое большое из известных нам изображений умерших. Уместно при этом вспомнить сообщение Г.Новицкого о том, что на деревянное изображение умершего надевали одежду, которую умерший носил при жизни[69]. Из этого следует, что изображения умерших раньше были большими, возможно, в рост человека.

О том, что изображения умерших делались из дерева, сообщают многие авторы[70]. Судя по сообщению В.Ф.Зуева, они имели разные формы: "рукотворный бог в образе человека, маленькой, сделанный индве коробка, инде палочка или дубинка, а инде и кляпышек или клин деревянной ... Божков своих происшествие полагают от предков ..."[71] Соммье видел изображения умерших в жилищах хантов. Это были деревянные антропоморфные фигурки 20-30 см длиной, сделанные из деревянных чурбаков. На них были надеты халаты, капоры, на шее - цепочка и кольца на ленте, изображение было завернуто в платок. Его держали в доме сидящим на куске оленьей шкуры у огня. В ногах изображения умершего лежали табакерка, сверток ткани или платков, деревянная миска. Его "кормили", вечером клали "спать". Изображение называлось *шонгот*. По истечении срока хранения изображения умершего дома его хоронили вместе с умершим[72]. В.В.Бартенев описывает изображения умерших, сделанные из прутьев, с головой из пуговицы. Размер такого изображения - 17-18 см, оно одето в летнюю или зимнюю одежду[73]. Н.Л.Гондатти пишет, что нижнеобские ханты и ненцы делали изображения умерших из бересты, дерева и шкурок. Иногда лицо изображения вырезали и раскрашивали разными красками[74]. По данным Г.Д.Вербова, изображения умерших у нижнеобских хантов, ассимилированных ненцами, делались из осины, оклеивались берестой; иногда в отверстия для глаз вставляли медные пуговицы[75].

Известны и несколько металлических изображений умерших из музейных собраний. Одно из них представляет собой фигурку женщины с остроконечной головой, руками и ногами. У фигурки намечены глаза и признаки пола[76]. В музее этнографии Будапешта в коллекции Й.Папая имеется изображение умершего под названием "лонх" из юрт Ас-корт на Нижней Оби[77]. Туловище этого изображения умершего отлито из свинца и имеет грубые очертания прямоугольного тела с округлой головой. Поверх туловища надеты ситцевая рубаха, красный суконный гусь с зеленой оторочкой и капюшоном, поверх него - красный ситцевый халат с рукавицами из ткани другого цвета.

Изображениями умерших названы в коллекции Т.В.Лехтисало и три куклы с головами из утиного клюва. Их происхождение неизвестно, а размеры и одежда на них такие же, как на изображениях умерших

(20x10, 15x6, 15x7 см): малица с капюшоном, суконный гусь[78]. В одном случае косточка утиного клюва обшита тканью. Обычно такие куклы у хантов и ненцев были детскими игрушками. Возможно, что эти предметы также были игрушками и ошибочно значатся в описи изображениями умерших.

Таким образом, изображения умерших были очень многообразны по форме. В связи с этим их можно подразделить на следующие типы и варианты:

I. Изготовленные из одежды:

1) из одежды, надетой друг на друга или связанной между собой (Лехтисало, МАЭ - Прыткова, МАЭ - Шухов, Прыткова, Подревский, Соколова, Хомич, Шухов, Тобольский музей);

2) из одежды, с монетой или металлической пластинкой на месте лица (Соколова, Хомич);

3) из одежды, с головой и лицом, сшитыми из ткани (Лехтисало, Шухов, Тобольский музей);

4) из одежды, со стеклянной пробкой вместо головы (РЭМ - Иванов);

5) из одежды умершего (Патканов).

II. Изготовленные из ткани (из описаний не всегда ясно, из чего сделано изображение умершего - из одежды или из кусочков ткани):

1) с головой из ткани (?) и вышитым лицом (Иванов);

2) с металлической пластинкой или пуговицей на месте лица (Бекетов, Ковальский, Хомич);

3) с волосами умершего на голове (Иванов, Карьялайнен, Соколова, Чернецов).

III. Деревянные:

1) грубоватой выделки, антропоморфные, без черт лица (РЭМ - Иванов, Зуев, Лехтисало, Руденко);

2) с вырезанными или процарапанными чертами лица, с руками, ногами или без них (Белявский, Зуев, Карьялайнен, Лехтисало, МАЭ - Шухов, Митусова, Новицкий, Паллас, Патканов-Карьялайнен, Руденко, Соколова, Соммье-Иванов, Старцев, Чернецов, Шавров, Эйрие, Ханты-Мансийский музей);

3) с монетой, бляшкой, пуговицей, металлической пластинкой на месте лица (Бартенев, Лехтисало, Руденко, Соколова);

4) с монетой, бляшкой, пуговицей, металлической пластинкой на месте лица и с кузовком-туловищем-хранилищем (Лехтисало, Прыткова, Руденко);

5) обклеенные берестой (Вербов);

6) с головой и лицом, обшитыми кожей или шкурой (Высоцкий, Лехтисало);

7) в люльке или лодке (РЭМ - Иванов, Подревский, Чернецов, Тобольский музей).

IV. Металлические:

1) антропоморфные: а) с процарапанными чертами лица (Соколова,Чернецов, музей в Будапеште);
б) с монетой на месте лица (Соколова);

2) зооморфные (Соколова, Чернецов).

Наиболее древними формами были, по всей вероятности, изображения умерших из дерева и металла: изображения умерших из одной только одежды в основном отмечены лишь в более позднее время (конец XIX, чаще - XX в.). Вряд ли прав Карьялайнен, считавший, что обычай делать изображения умерших развился из представления о том, что в его вещах (например, одежде) он присутствует и после смерти[79]. Чернецов считал, что причина возникновения такого обычая в ином - в изоляции живых от умерших (с возникновением обычая хоронить покойников не в жилище, а в стороне от него)[80]. Подобные представления, конечно, существовали. Но думается, обычай делать изображение умершего связан прежде всего с представлениями о возрождающейся душе. Она должна жить в нем, пока не возродится. Не случайна, вероятно, связь между сроками хранения изображений умерших в доме со сроками возрождения души: 4-5 лет по сакральному счету или 2-2,5 года по действительному счету (год равен полугоду)[81]. Обычай иртышских хантов хранить под подушкой умершего его немытое белье и простыню, а во время поминок выставлять их на подушке как олицетворение умершего[82] (некоторые группы венгров также хранили постель умершего; вдова или вдовец ложились в нее, чтобы во сне узнать желание умершего)[83] говорит не о том, что у них не было изображений умерших, а о том, что их уже не делали, используя вместо них белье. Возможно, раньше иртышские ханты делали изображения умерших в рост человека (вспомним указание на это Новицкого) и одевали в его одежду.

Таким образом, изображение, сделанное после смерти человека, - это место пребывания реинкарнирующейся души-имени до ее вселения в новорожденного[84]. К такого рода изображениям В.Н.Чернецов относил и фигурки плоского литья, найденные археологами в кладах-хранилищах, а также в специальных захоронениях около поселения[85]. Такие металлические фигурки, изображавшие зверей, людей, или зооантропоморфные, различались у разных групп предков хантов и манси. В.Н.Чернецов считает, что в фонде каждой генеалогической, первоначально тотемной, группы были собрания таких изображений - вместилищ душ-имен, хранившиеся в святилищах или специальных хранилищах. Одно из изображений умершего, найденное нами в селении Горбунгорт, сделанное очень примитивно, отлитое из свинца (возможно, из дроби), имело особенно ярко выраженный зооморфный вид. Оно больше, чем

остальные, напоминает фигурки плоского литья. Возможно, также, что жители селения Шишинги в прошлом делали изображения умерших в виде лягушки, бывшей их тотемом. Об этом говорит находка одного изображения лягушки, которое скорее всего было изображением умершего[86]. Нам известно также, что в старые времена (об этом еще помнят старики) жители поселка Лопхари делали изображения умерших в форме лиственницы.

Очевидно, что в прежние времена на лицо изображения умершего непременно наносили черты лица - глаза, нос, рот, т.к. только в таком изображении (с глазами) могла жить душа умершего (непременное условие детских кукол-игрушек - отсутствие глаз и других черт лица. Между прочим, венгерские детские куклы-игрушки, хранящиеся в Музее этнографии Будапешта - тоже безликие). Возможно, раньше на лицо изображения умершего всегда накладывали кусок кожи, ткани, монету, бляшку, пуговку или металлическую пластинку, которые были имитацией покрытия-маски лица умершего. Постепенно монета, бляшка, пуговка, металлическая пластинка сама стала имитировать лицо умершего. Но это было характерно, очевидно, лишь для антропоморфных изображений умерших.

Тем не менее, несмотря на наличие некоторых общих приемов в изготовлении изображений умерших, бросается в глаза отсутствие общих канонизированных форм, многообразие их. Это можно объяснить тем, что изготовление изображения умершего и почитание его как предка-покровителя было делом каждой отдельной генеалогической группы, а позднее - семьи. Культ изображений умерших и предков-покровителей был сакральным и табуированным для членов других генеалогических групп и семей. Кстати, на локальный характер кладов фигурок плоского литья, отождествляемых с изображениями умерших, указывал и В.Н.Чернецов[87]. Именно поэтому так часты вариации в их изготовлении. Размеры их тоже варьировали в зависимости от принятых в той или иной группе, семье, но в позднее время (XIX-XX вв.) существовали, вероятно, их пределы - от 15 до 30 см. Указание М.Ковальского на то, что их размер зависел от возраста умершего, никем не подтверждено. Правда, И.П.Росляков пишет, что изображение умершего растет, как и сам умерший, в загробном мире, переживая свои младенческие и юношеские годы жизни. В течение лунного года, пока изображение умершего хранится дома, умерший достигает того возраста, кода он может вступить во владение загробным имуществом[88]. Но и эти материалы остаются не совсем ясными и никем более не подтвержденными.

Одежда на изображениях умерших, по-видимому, всегда была зимней, т.е. это был полный комплект одежды, иногда - несколько комплектов. Первоначально, вероятно, на изображение умершего надевался один комплект одежды, но пока оно хранилось дома, члены семьи, родственники, приходившие его проведать, шили новые комплекты вотивной одежды, надевали ее на изображение умершего, или клали рядом с ним в виде подарка. Интересны факты наличия на изображениях умерших мужчин распашной одежды (вспомним рисунки изображений умерших, сделанные И.Н.Шуховым, изображения умерших в коллекции Лехтисало[89]: в описи указано, что это мужчина, а на нем надета распашная, а не глухая одежда; изображение прадеда Ивана Сопыча с р.Аган[90]). Они единичны, но могут свидетельствовать о древности распашной одежды (еще чаще случаи наличия распашной одежды на изображениях мужчин - духов-покровителей[91]). В качестве подарков изображениям умерших родственники клали принадлежавшие им при жизни орудия труда, табакерки, курительные трубки, посуду с продуктами и пр.

Большое разнообразие наблюдается также в способах хранения изображений умерших по истечении срока хранения их дома. Эти способы различны, эти изображения:

1) хоронят (Чернецов, Шавров) в могиле (Карьялайнен, Кастрен, Лехтисало, Подревский, Росляков, Руденко, Соммье, Шухов), на кладбище (Вербов, Соколова) или в земле (не всегда ясно, где и как хоронят изображения умерших - Андреев, Белявский, Ковальский, Новицкий, Эйрие);

2) зарывают в земле, в лесу (Росляков, Соколова);

3) бросают в намогильное сооружение (Росляков, Старцев);

4) выбрасывают в лесу (Соколова);

5) вешают на дерево в лесу (Соколова) или около дома (Шухов-Прыткова);

6) сжигают (Карьялайнен, Чернецов);

7) хранят в амбарчике (Бартенев, Бекетов, Ковальский, Руденко, Соколова, Финш и Брэм, Чернецов);

8) хранят на чердаке дома (Соколова);

9) хранят в доме:

а) в коробке (Карьялайнен, Лехтисало, Старцев);

б) висящим (Прыткова);

в) в переднем углу дома (Белявский, Зуев, Карьялайнен, Лехтисало, Митусова, Руденко, Соколова, Хомич, Шухов, Эйрие);

г) вместе с изображениями семейных духов-покровителей (Зуев, Митусова, Руденко, Соколова, Хомич);

10) наследуют:

а) по женской линии (Лехтисало, Соколова, Старцев, Чернецов);

б) по мужской линии (Чернецов).

Ранние авторы говорят о том, что изображения умерших делали вдовы после смерти своих мужей (Новицкий, Георги, Гондатти). Судя по системе представлений обских угров о душе, обычай делать изображение-вместилище души умершего раньше был обязателен для всех. Случаи нахождения хранилищ зооморфных (Чернецов, Старков) и антропоморфных (Руденко) изображений умерших генеалогической группы или семьи также говорят за это. Изображения делали после смерти каждого человека, но относились к ним по-разному. В зависимости от роли умершего в жизни варьировали способы хранения их по истечении срока хранения в доме. Изображения умерших обычных, ничем не примечательных людей, детей (у которых уже были зубы, по Карьялайнену, - тех, которые уже умели завязывать узел - признак наличия у них души[92]) - уносили в лес и там зарывали или просто бросали. В других местах их хоронили вместе с умершим (в его могиле, намогильном сооружении или просто на кладбище). В некоторых случаях их вешали на дерево или с особыми обрядами сжигали. Возможно, способ хранения изображения умершего по истечении срока хранения его дома был связан со способом захоронения умерших у предков разных групп обских угров - сожжение, подвешивание на дереве, захоронение в доме, на кладбище[93]. Передаваемые по наследству изображения умерших в случае отсутствия наследников хоронили вместе с последним представителем семьи.

Известны случаи, когда изображения умерших хранили в специальных амбарчиках, причем иногда в такой амбарчик складывали изображения умерших всей семьи (Руденко). Но во всех этих случаях, кроме описанного С.И.Руденко, не представляется ясным, хранились ли в амбарчиках изображения обычных умерших или трагически погибших людей, как в случае, описанном нами на р.Сыня (Бартенев, Бекетов, Ковальский, Финш и Брэм). Обычай делать второе изображение умершего неестественной смертью, вероятно, бытовал не только на Сыне, но и у других групп хантов и манси. У северных хантов и манси, кроме *сонгыт-хот* - сооружений для хранения обычных изображений умерших *сонгыт*, - мы встречаем упоминания о сооружениях *ура-лобас, ура-хот* и *хот-ура*. О них говорится, что это сооружения, в которых хранили "предметы культа"[94]. Сходство названий подобных амбарчиков для "предметов культа" и описанного нами на Сыне амбарчика для хранения изображения умершего неестественной смертью *ура* очевидно. Возможно, между ними было и функциональное сходство.

Наконец, часть изображений умерших хранилась на чердаках, на потолочных балках или на полках в переднем углу дома. Эти изображения принадлежали умершим шаманам, старым уважаемым людям, "славным и богатым", среди которых были и женщины. Наши полевые материалы показывают, что у ляпинских манси это были изображения умерших, но почитаемых предков. Так было и у хантов. Среди девяти виденных нами изображений умерших на рр.Сыня и Куноват в шести случаях по истечении срока хранения их в доме на любимом месте умершего их продолжали затем хранить дома в переднем углу, в сундучке, иногда вместе с семейными духами-покровителями. Кроме того, 12 из 14-ти найденных нами в старых разрушенных домах изображений умерших постоянно хранились дома, на чердаке или в переднем углу дома. Хранение изображений умерших в переднем углу дома вместе с изображениями семейных духов-по-кровителей, как правило, является свидетельством того, что сами эти изображения стали почитаться как предки-покровители. Чаще всего это изображения шаманов, старых уважаемых людей. Возможно, именно об этом писал В.Ф.Зуев: "... болванов ... они делают не только в образ богов, но и после умерших некаких славных ворожеев или богатых, или какими особливыми делами прославившихся, поставляют в знак памяти и просят каждого о том же, в чем его ходатаем почитают, и таковых они полагают себе за заступников"[95]. Эти данные - свидетельство развитого культа предков у хантов и манси. Более того, из этого культа предков у них развился культ домашних или семейных духов-по-кровителей[96].

Названия изображений умерших у хантов, подвергшихся ненецкому влиянию, - *сидерянг* и *нгитерма*, у северных хантов - *иттарма, сонгыт, лон сонгет, шонгет* (*шонгыт*), *ис-хор*, у северных манси - *мохор, итерма, ант акань, перк пяди мут,* у хантов Средней Оби - *акань*. Второе изображение трагически погибшего человека - *ура*. Термин *ис-хор*[97] единичен, остальные встречаются часто. Термин *акань* означает 'кукла'. В остальных случаях названия изображений умерших имеют иной, сакральный смысл (*сонгет, шонгет* - 'череп'; так же звали и умершего, избегая называть его имя. *Нгитерма, иттарма, итерма* - термин, по-видимому, связанный с почитанием шаманов[98]. Термин *перк пяди мут*, вероятно, описательный, как и приводимый В.Н.Чернецовым термин *нонгхаль варим ут*[99]). Наличие несакрального термина, обозначающего изображение умершего у среднеобских хантов, еще раз говорит о вырождении у них обычая делать изображение умершего. Частично так было и у манси, о чем писал С.И.Руденко[100].

Насколько широко был распространен обычай делать изображения умерших у разных групп хантов и манси? Большинство авторов описывает его у северной группы обских угров: на Нижней Оби (Андреев, Бартенев, Бекетов, Белявский, Зуев, Карьялайнен, Кастрен, Ковальский, Лехтисало, Паллас, Подревский, Прыткова, Росляков, Руденко, Соколова, Финш и Брэм, Чернецов, Шавров, Эйрие), на Казыме (Карьялайнен, Прыткова, Чернецов, Шухов), Северной Сосьве с Ляпиным (Гондатти, Руденко, Соколова, Чернецов).

Но сообщения отдельных авторов говорят о том, что этот обычай был известен и южным (Новицкий, Патканов), а также восточным (Карьялайнен, Митусова, Соммье, Старцев) хантам. Г.И.Пелих сообщает, что изображения умерших делали ханты р.Вах[101]. Описанное ею гадание васюганской женщины-хантыйки с антропоморфной фиуркой, сделанной из щепки и человеческих волос на голове[102], может быть, восходит к обычаю делать такое же изображение умершего.

Несмотря на региональные различия, в целом погребальный обряд обских угров сходен[103]. Северные ханты и манси дольше всех сохраняли архаичные элементы своей культуры, в том числе и религиозные представления, культы, обряды. Ханты восточных и особенно южных территорий, южные и западные манси были ранее и более интенсивно христианизированы, а некоторые группы - и тюркизированы. Поэтому неслучайно у восточных и южных хантов на кладбищах можно встретить христианские кресты на могилах, на севере же они отсутствуют. Именно в низовьях Оби дольше всего (до начала XIX в.) оставалось некрещеное население (ханты, ненцы). Этим и объясняется, с одной стороны, длительное сохранение на севере края архаических обрядов и обычаев, в том числе и описанного нами - делать изображения умерших, с друой стороны, утрата его на юге и востоке территории расселения хантов и манси.

Эти, хотя и отрывочные, данные, говорят о том, что в прошлом данный обычай был известен всем группам обских угров. Еще более в этом нас убеждает распространение подобного обычая среди друих народов, в том числе и соседей обских угров.

Ближайшие аналогии обско-угорским материалам, касающимся изображений умерших, сделанных после смерти человека, есть у ненцев и селькупов. Т.В.Лехтисало прямо указывает, что этот обычай был известен только обским ненцам, заимствовавшим его у хантов. По его мнению, отличие изображения *нгитерма* от *сидерянг* состоит в том, что первое делается после смерти старого человека (оно затем становится *хаехе* - семейным духом - и хранится дома вместе с другими *хаехе*), а второе - после смерти молодого (оно не становится *хаехе*, а хоронится на кладбище). Но он говорит и другое: *сидерянг* - название изображения умершего, пока оно хранится дома в течение трех лет, *нгитерма* - название того же изображения умершего, но по истечении его трехлетнего хранения (получается, что изображение умершего по истечении трехлетнего хранения в доме функционально приравнивается к *хаехе*, но носит иное название).

По данным Л.В.Хомич, обычай делать изображение *нгытарма* - чисто ненецкий, это изображение давно умершего в преклонном возрасте мужского или женского предка; *сидерянг* - изображение предка у ненцев хантыйского происхождения. По ее данным, изображение *нгытарма* "кормят" лишь первое время, *сидерянг* - постоянно, пока хранят. В то же время, *сидерянг* хоронили через 3 года. Она думает, что отличие *сидерянг* от *нгытарма* связано с хантыйским влиянием на ненцев[104]. Любопытно, что эти изображения хранятся и передаются по наследству по женской линии, как и у манси[105]. Данные обоих исследователей имеют и сходство, и различие. Думается всё же, что материалы Лехтисало ближе к истине. Очевидно, этот вопрос еще требует изучения. В.Н.Чернецов считал, что название изображения умершего у хантов и манси - *иттарма, итерма* - восходит к ненецкому слову и связано с шаманством[106]. Тем не менее и в способах изготовления, и в способах хранения изображений умерших у хантов, манси и ненцев много общего. Скорее всего этот обычай достаточно древний, он возник еще у аборигенов Западной Сибири в глубокой древности, возможно, в эпоху неолита и бронзы, а затем трансформировался у разных народов. На то, что этот обычай изменяется у ненцев уже на наших глазах, указывают материалы Л.В.Хомич: ею обнаружены изображения живых людей-предков, играющие роль предков-покровителей[107]. Такой факт зафиксирован впервые. В то же время большое сходство в деталях этого обычая и терминологии у ненцев и северных хантов скорее всего объясняется их близким соседством и взаимной ассимиляцией.

У селькупов данный обычай почти не изучен. По всей видимости, он был уже давно утрачен и сохранялся в пережиточной форме в единичных случаях. У них изображение умершего - миниатюрная антропоморфная фигурка, которую хранили дома, а по истечении определенного срока вешали в лесу на дерево, а затем (не всегда) сжигали[108]. К сожалению, неизвестно, как делались такие изображения, но способы их хранения и окончательная судьба напоминают принятые у хантов и манси.

У кетов изображения умерших (*дангольс*) были миниатюрными и состояли из специально сшитой одежды, внутри которой иногда помещались валик из ткани или антропоморфная фигурка. Это были изображения людей, умерших не своей смертью, и хранились они в доме вместе с семейными духами. Они оказывали помощь родным умершего в промысле[109]. Б.О.Долгих сообщает, что *дангольс* делают после того, как человек увидит во сне умершего родственника. Размеры таких изображений - 23-28 см высотой[110]. В коллекции Б.О.Долгих есть один *дангольс* с медной орнаментированной пластинкой на подбородке[111]. Некоторые изображения - *ала-албам* - для помощи на охоте не использовали.

Изображения умерших - *кама ару нама* - делали и хранили в доме алтайцы. Делали их из ленточек. Считалось, что дух умершего является родным на третий или седьмой день после смерти и становится кровным духом[112]. Удские эвенки делали изображение умершего из дерева, вдова или вдовец клали его спать вместе с собой[113]. Эвенки р.Подкаменная Тунгуска делали деревянные изображения мертвой и живой физиологической души человека. На поминках изображение "кормили" мясом и кровью жертвенного

оленя[114]. В МАЭ хранится изображение умершего, сделанное баргузинскими эвенками из гнилушки[115]. Голова у него овально-вытянутая, руки - в виде обрубков, намечена талия, прорезаны ноги. Изображение держали в доме около огня, привязав к нему нож. Затем шаман отвозил его на олене. Тувинцы тоже делали изображение умершего, в день похорон выносили его из дому для отвлечения злых духов[116].

Якуты раньше тоже делали изображение умершего, оно было из дерева, его хранили в дупле дерева, за домом, периодически "кормили"[117]. Они делали также изображения умерших из бересты, глины и других материалов[118]. После смерти девочки родители делали ее изображение из бабки лошади или коровы, приделывая ему серебряную голову; на изображение надевали меховую шубу, украшали его серебряными бляхами, помещали в хранилище из бересты. Хранили его в доме или в дупле дерева[119]. Монголы также раньше делали изображение умершего, напоминающее его образ, хранили его в жилище, почитали его.

Заместители умерших в виде изображений, вместилищ душ широко известны и у других народов Сибири, Поволжья, Средней Азии, Европы. У коряков, например, место умершего в жилище сразу же кто-нибудь занимал. Если оно оставалось незанятым, из травы делали фигуру человека и клали на место умершего, иначе злой дух мог занять это место. Чукчи отрезали от платья умершего кусочек и присоединяли его к семейным амулетам (*енааль*). В некоторых семьях сшивали небольшие кусочки оленьей и собачьей шкуры, клали их на умершего, а потом хранили вместе с семейными амулетами[120].

У народов Амура (нанайцев, ульчей) изображения умершего (*мугды, фаня* - душа) делали из дерева, одевая на них одежду. Считалось, что на седьмой день после смерти человека его душа возвращалась домой. Шаман вселял ее в деревянную фигурку *фаня*, *паня* или *аями фанялка*; высота её 17,5-18 см[121]. Деревянная скульптура *мугды* замещала умершего во время обряда *касатаури* - проводов души в загробный мир (большие поминки). Этот обряд проводили с участием шамана через несколько лет после смерти человека. По окончании обряда *муг-ды* сжигали вместе с вещами умершего. В некоторых случаях *мугды* раскалывали топором и выбрасывали, высота его - 81 см[122]. Изображения умершего - *фаня, паня, аями фанялка* - хранили в доме на нарах, на постели умершего. Перед ним ставили еду, водку, табак[123]. В изображении делали отверстие, в которое вставляли курительную трубку. Изображения *фаня* иногда сохраняли и использовали в магических целях для лечения болезни[124].

Заместители умершего в виде его одежды и оружия известны у болгар, жителей Боснии, Монтенегро, у казахов и киргизов и целого ряда других народов[125].

Такое широкое распространение обычая делать и хранить изображение умершего свидетельствует о его большой древности. Скорее всего этот обычай связан с древними представлениями этих народов о душе, возможности её возрождения. Наиболее древние изображения умерших, известные из археологических раскопок, - таштыкские, первой половины 1 тыс. н.э.[126] Но возможно, что изображениями умерших были и антропоморфные фигурки, найденные в раскопках андроновских памятников эпохи бронзы II тыс. до н.э. в Западной Сибири и серовских неолитических памятников Прибайкалья первой половины III тыс. до н.э.

Итак, этот обычай очень древний, характерен для многих народов и различается интересными деталями. Он тесно связан с представлениями этих народов о душе и может быть изучен только в связи с ними. В происхождении и развитии этого обычая у разных народов, его деталях еще немало неясного. На это следует обратить внимание при изучении представлений о душе и погребального обряда.

Примечания

[1] Опубликована на немецком языке: *Sokolowa S.* Totenabbilder bei den Chanten und Mansen//Finnisch-Ugrischen Forschungen. XLVI. 1984. Данный вариант статьи несколько расширен по сравнению с немецким.

[2] *Андреев Г.* Описание г.Березова и его округа//Северная пчела, N 207, 1832; *Бартенев В.В.* Погребальные обычаи обдорских остяков//Живая старина, III, IV. СПб., 1895; *Бекетов Л.* Заметки об инородцах Березовского округа//Тобольские губернские ведомости, N 13, 1857; *Белявский Ф.* Поездка к Ледовитому морю. М., 1833; *Высоцкий Н.Ф.* Несколько слов о погребальных обычаях вогул//Известия общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете, т.XXIV, вып.3. Казань, 1908; *Георги И.Г.* Описание всех в Российском государстве обитающих народов, ч.1. СПб., 1776; *Гондатти Н.* Следы языческих верований у маньзов//Труды этнографического отдела императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете, кн.VII. М., 1888; *Зуев В.Ф.* Описание живущих Сибирской губернии в Березовском уезде иноверческих народов остяков и самоедов//Материалы по этнографии Сибири XVIII в. (1771-1772). ТИЭ, новая серия, т.V. М., 1947; *Kannisto A.* Materialen zur Mythologie der Wogulen//Mémoires de la Société Finno-Ougrienne, 113. Helsinki, 1958; *Karjalainen K.F.* Die Religion der Jugra-Vulker. Bd.1. Folklore Fellows Communication, V.8, N 40, 1921; *Ковальский М.* Северный Урал и береговой хребет Пай-Хой//Труды экспедиции Русского географического общества, Т.1. СПб., 1853; *Новицкий Г.* Краткое описание о народе остяцком. СПб., 1884; *Паллас П.С.* Путешествие по разным провинциям Российской империи. Ч.III, половина 1-я. СПб., 1778; *Patkanov S.* Die Irtysch-Ostjaken und ihre Volkspoesie. Bd.1. SPb., 1897; *Подревский Н.* Поездка на Северный Урал летом 1892 года. М., 1895; *Прыткова Н.Ф.* Один из источников изучения одежды народов Сибири//Религиозные представления и обряды народов Сибири в XIX - начале XX века. СМАЭ, XXVII.

Л., 1971; *Росляков И.П.* Похоронный обряд остяков//ЕТГМ, вып.V. Тобольск, 1896; *Rudenko S.I.* Die Ugrier und Nenzen am unteren Ob//AE, T.21. Budapest, 1972; *Старцев Г.* Остяки. М., 1928; *Финш О.* и *Брэм А.* Путешествие в Западную Сибирь. М., 1882; *Шавров В.Н.* Краткие записки о жителях Березовского уезда//Чтения в обществе истории и древностей российских, кн.2. СПб., 1871; *Шухов И.Н.* Река Щучья//ЕТГМ, вып.XXII, 1914; *Эйрие Ж.-Б.-Б.* Живописное путешествие по Азии. М., 1839.

3 *Чернецов В.Н.* Представления о душе у обских угров// Исследования и материалы по вопросам первобытных религиозных верований. ТИЭ, новая серия, Т.51. М., 1959; *его же*, Наскальные изображения Урала. Ч.1. САИ, В4-12. М., 1964, Ч.2. САИ В4-12 (2). М., 1971.

4 *Иванов С.В.* Скульптура народов Севера Сибири XIX - первой половины XX в. Л., 1970.

5 *Шишло Б.П.* Культ предков и заместители умерших //Вестник Ленинградского государственного университета, N 8. Л., 1972; *его же,* Среднеазиатский тул и его сибирские параллели //Домусульманские верования и обряды в Средней Азии. М., 1975.

6 *Соколова З.П.* Пережитки религиозных верований у обских уг-ров//Религиозные представления и обряды народов Сибири в XIX - начале XX века. СМАЭ, XXVII. Л., 1971; *ее же,* Ханты рр.Сыня и Куноват//Материалы по этнографии Сибири. Томск, 1972; *ее же,* Об одном традиционном обычае погребального цикла сынских хантов //Новое в этнографических и антропологических исследованиях. М., 1974; *ее же,* Находки в Шишингах (Культ лягушки и угорская проблема)//СЭ, 1975, N 6; *ее же,* Новые данные о погребальном обряде северных хантов//ПИИЭ. 1974. М., 1975; *ее же,* Наследственные, или предковые, имена у обских угров и связанные с ними обычаи//СЭ, 1975, N 5; *ее же,* Страна Югория. М., 1976; *Sokolowa Z.P.* Untersuchung der religiiqsen Vorstellungen der Hanti am Unterlauf des Ob//AE, T.24 (3-4). Budapest, 1976; *ее же,* О некоторых погребальных обычаях северных хантов и манси//Этнография народов Алтая и Западной Сибири. Новосибирск, 1978; *ее же,* Ханты и манси. Похоронная обрядность//Семейная обрядность. М., 1980; *ее же,* О культе предков у хантов и манси//Миро-воззрение у финно-угорских народов. Новосибирск, 1990; *ее же,* Изображения умерших у народов Западной Сибири//Обряды народов Западной Сибири. Томск, 1990.

7 *Чернецов В.Н.* Представления о душе ..., С.137-138. Обращаем внимание на то, что у него речь идет о душе *лили*, а не душе-тени - *ис, ис-хор* или *илес* (*Иванов С.В.* Скульптура ..., С.38).

8 В действительности, по особому ритуальному счету - 2-3 года, по-видимому, в связи с представлениями о двух для женщин и трех для мужчин возможных реинкарнациях - *Чернецов В.Н.* Представления о душе ..., С.139, прим. 79.

9 *Чернецов В.Н.* Наскальные изображения ... Ч.II, С.18.

10 *Sokolowa Z.P.* Untersuchung ..., S.401, Abb.10.

11 *Ibid*., S.399; *Соколова З.П.* Об одном традиционном обычае ..., С.51-52.

12 *Соколова З.П.* Об одном традиционном обычае ..., С.53; *So-kolowa Z.P.* Untersuchung ..., S.402.

13 *Соколова З.П.* Находки в Шишингах ...

14 *Соколова З.П.* Об одном традиционном обычае ..., С.54; *Soko-lowa Z.P.* Untersuchung ..., S.400, 403.

15 *Соколова З.П.* Страна Югория; *ее же,* Путешествие в Югру. М., 1982 (см. цветные вклейки).

16 *Соколова З.П.* Об одном традиционном обычае ..., С.52.

17 *Соколова З.П.* Путешествие в Югру, см. цветную вклейку.

18 *Соколова З.П.* Об одном традиционном обычае ..., С.52-53; *Sokolowa Z.P.* Untersuchung ..., S.400-403.

19 *Чернецов В.Н.* Наскальные изображения ..., Ч.II, С.30; *Соколова З.П.* Новые данные ..., С.149-152.

20 *Соколова З.П.* Новые данные ..., С.146-147, рис.2,3.

21 *Соколова З.П.* Об одном традиционном обычае ..., С.54-59; *ее же,* Страна Югория, см. рис.; *Sokolowa Z.P.* Untersuchung ..., S.406-411, Abb.11,12; *ее же,* О некоторых погребальных обычаях ..., рис.2,3б; *ее же,* Путешествие в Югру, см. цветную вклейку.

22 Фонд Тобольского Музея: V1602, V1603, V1605, V1627, V1638, V1639, V1645, V1647, V1648, V1651.

23 *Подревский Н.* Указ раб., С.168.

24 Фонд SKM, N4899-144.

25 Фонд SKM, N4894-137,140,142.

26 Фонд МАЭ, N2535.

27 *Прыткова Н.Ф.* Указ. раб., С.108-109.

28 *Соколова З.П.* Новые данные ..., С.171.

29 Фонд МАЭ, N2416-6,7.

30 *Иванов С.В.* Указ. раб., С.40.

31 *Бекетов Л.* Указ раб., С.106; *Ковальский М.* Указ. раб., С.XXVII.

32 *Хомич Л.В.* О некоторых предметах культа надымских ненцев//Религиозные представления ..., С.244-245.

33 *Иванов С.В.* Указ. раб., С.40.

34 *Karjalainen K.F.* Die Religion ..., S.143; *Чернецов В.Н.* Представления о душе ..., С.150; *Иванов С.В.* Указ. раб., С.36.

35 Фонд РЭМ, колл. С.И.Руденко, N1711-461,462,463, 1909-1910 гг. Две фигурки опубликованы С.В.Ивановым (*Иванов С.В.* Скульптура ..., С.32, рис.27-3).

36 *Rudenko S.I.* Die Ugrier ..., S.55; Фонд РЭМ, колл. С.И.Руденко, № 1711-57; Фототека С.И.Руденко, N 1707-47,50.

37 Фонд РЭМ, колл. С.И.Руденко, N 1711-513 и 531.

38 Фонд РЭМ, N 1711-626.

39 *Karjalainen K.F.* Die Religion ..., S.141 (опубликовано С.В. Ивановым: *Иванов С.В.* Скульптура ..., С.38, рис.26).

40 Фонд РЭМ, колл. Р.П.Митусовой, № 4047-309 (опубликовано: *Иванов С.В.* Скульптура ..., С.46, рис.33).

41 *Иванов С.В.* Указ. раб., С.39, рис.27-1,4.

42 Фонд Ханты-Мансийского краеведческого музея, № 240, 256.

43 Фонд SKM, колл. Т.В.Лехтисало, № 4899-133,134,135,136, 138,139,141.

44 Там же, № 4899-138.

45 Там же, № 4899-141.

46 Там же, № 4899-133.

47 Там же, № 4899-138.

48 Там же, № 4899-139.

49 Там же, № 4899-129.

50 Там же, № 4899-131.

51 Там же, № 4899-149.

52 Там же, № 4899-143.

53 Там же, № 4899-151.

54 Там же, № 4899-150.

55 Там же, № 4899-130.

56 Там же, № 4899-127.

57 Там же, № 4899-128.

58 Там же, № 4899-147.

59 Там же, № 4899-148.

60 Там же, № 4899-132.

61 Там же, № 4899-146.

62 Фонд МАЭ, колл. И.М.Шухова, N 2407-1, фототека № 2421-118.

63 *Rudenko S.I.* Die Ugrier ..., S.51-52, Abb.18,19,20,21.

64 Фонд РЭМ, колл. С.И.Руденко, фототека № 1706-105-107. Одно из изображений опубликовано: *Прыткова Н.Ф.* Один из источников ..., С.108, рис.3.

65 Фонд SKM, колл. Т.В.Лехтисало, № 4899-145.

66 *Чернецов В.Н.* Представления о душе ..., рис.4,5.

67 Опубликовано: *Иванов С.В.* Указ. раб., С.39, рис.27-4.

68 *Высоцкий Н.Ф.* Указ раб., С.256; *Иванов С.В.* Указ. раб., С.39-40, рис.28.

69 *Новицкий Г.* Указ. раб., С.45-46.

70 *Паллас П.С.* Указ. раб., С.78; *Белявский Ф.* Указ. раб., С.98-99; *Эйрие Ж.-Б.-Б.* Указ. раб., С.85; *Шавров В.Н.* Указ. раб., С.12; *Старцев Г.* Указ. раб., С.124; *Чернецов В.Н.* Представления о душе ..., С.148 и др.

71 *Зуев В.Ф.* Указ. раб., С.41.

72 *Karjalainen K.F.* Die Religion ..., S.141-142.

73 *Бартенев В.В.* Указ. раб., С.491.

74 *Гондатти Н.* Указ. раб., С.43.

75 *Чернецов В.Н.* Представления о душе ..., С.148.

76 Там же, рис.4.

77 Neprajzi museum, колл. Й.Папая, № 31732. Опубликовано: *Kepes Yu.* Napfél és Eifél. Finn-ugor rokonaink népkцltészete. Budapest, 1972, см. цветную вклейку на с.48-49.

78 Фонд SKM, колл. Т.В.Лехтисало, № 4899-152-154.

79 *Karjalainen K.F.* Die Religion ..., S.175-176.

80 *Чернецов В.Н.* Представления о душе ..., С.155.

81 *Бартенев В.В.* Указ. раб., С.491; *Rudenko S.I.* Die Ugrier ..., S.54; *Соколова З.П.* Об одном традиционном обычае ..., С.50;*Sokolowa Z.P.* Die Untersuchung ..., S.398.

82 *Patkanov S.* Die Irtysch-Ostjaken ..., S.145.

83 *Karjalainen K.F.* Ibid., S.176.

84 *Чернецов В.Н.* Наскальные изображения ..., Ч.II, С.81.

85 *Чернецов В.Н.* Очерк этногенеза обских угров//КСИИМК, IX. 1941, С.26; *его же,* Усть-Полуйское время в Приобье //Материалы и исследования по археологии СССР, N 35, 1935, С.174-178, 222-223; *его же,* Представления о душе ..., С.156; *его же,* Наскальные изображения ..., Ч.II, С.80-81; *Старков В.Ф.* Новые находки плоского литья в Нижнем Приобье //Проблемы археологии Урала и Сибири. М., 1973. С.219; *Соколова З.П.* Наследственные, или предковые, имена ..., С.50; *ее же,* Находки в Шишингах ..., С.147.

86 См. ранее: *Соколова З.П.* Находки в Шишингах ..., С.146-147.

87 *Чернецов В.Н.* Усть-Полуйское время ..., С.222-223.

88 *Росляков И.П.* Указ. раб., С.5.

89 Фонд SKM, колл. Т.В.Лехтисало, N 4899-137.

90 Фонд РЭМ, колл. Р.П.Митусовой, N 4047-309.

91 *Прыткова Н.Ф.* Указ. раб.

92 *Karjalainen K.F.* Die Religion ..., S.143.

93 *Чернецов В.Н.* Представления о душе ..., С.156.

94 Фонд РЭМ, колл. С.И.Руденко, фототека № 1706-98,105-107; *Соколова З.П.* Материалы по жилищу, хозяйственным и культовым постройкам обских угров//ТИЭ, новая серия. Т.84. М., 1963, С.225; *Иванов С.В.* Указ. раб., С.37.

95 *Зуев В.Ф.* Указ. раб., С.40-41.

96 *Munkácsi B.* Seelenglaube und Totenkult der Wogulen//Keleti Szemle, T.6. Budapest, 1905.

97 *Karjalainen K.F.* Ibid., S.143-144.

98 *Чернецов В.Н.* Представления о душе ..., С.152.

99 Там же.

100 *Rudenko S.I.* Die Ugrier ..., S.51-52.

101 *Пелих Г.И.* Происхождение селькупов. Томск, 1972. С.283.

102 Там же, С.282.

103 *Соколова З.П.* Ханты и манси ...

104 *Хомич Л.В.* Указ. раб., С.243-244.

105 Там же, С.247.

106 *Чернецов В.Н.* Представления о душе ..., С.152.

107 *Хомич Л.В.* Указ. раб., С.246.

108 *Пелих Г.И.* Указ. раб., С.73,86.

109 *Алексеенко Е.А.* Кеты. Л., 1967. С.181-182.

110 Фонд МАЭ, колл. Б.О.Долгих, № 4919-23-25.

111 Там же, № 4919-25.

112 Фонд МАЭ, колл. А.Анохина, 1911 г., N 1853-13,16.

113 *Золотарев А.М.* Новые данные о тунгусах и ламутах XVIII в.// Историк-марксист, 1938, N 2.

114 Фонд МАЭ, колл 1923 г., N 4323-111,112.

115 Фонд МАЭ, колл. N 2216-10.

116 Устное сообщение С.И.Вайнштейна.

117 *Приклонский В.Л.* Якутские народные поверья и сказки// ЖС, 1890, II.

118 *Бравина Р.И.* Представлениия якутов о духе юёр//Вестник ЛГУ, серия: история, язык, литература, 1982, вып.3, N 8.

119 *Гурвич И.С.* Якуты. Похоронная обрядность//Семейная обряд-ность ..., С.98; *Karjalainen K.F.* Die Religion ..., S.177.

120 *Кушнер П. (Кнышев)* Первобытное и родовое общества. М., 1925. С.378,380.

121 *Смоляк А.В.* Нанайцы. Похоронная обрядность//Семейная обрядность ..., С.180,185; *Липский А.Н.* К вопросу об использовании этнографии для интерпретации археологических материалов//СЭ, 1966, N 1; Фонд РЭМ, колл. Д.К.Соловьева, 1910 г., № 1998-193,194.

122 Фонд РЭМ, колл. Д.К.Соловьева, 1910 г., № 1998-195.

123 Фонд РЭМ, колл. Л.Я.Штернберга, № 1765-226,227; Фонд МАЭ, колл. Е.Г.Шнейдер, 1908 г., фототека, № 4700-1261; Фонд МАЭ, колл. А.Н.Липского, 1917-1919 гг., фототека, № И-1535-51, И-1539-162.

124 Фонд МАЭ, колл. А.Н.Липского, № 5530-66,67.

125 *Karjalainen K.F.* Die Religion ..., S.177; *Абрамзон С.М.* "Тул" как пережиток анимизма у киргизов//"Белек С.Е.Малову". Фрунзе, 1946; *Шишло Б.П.* Указ. работы.

126 *Кызласов Л.Р.* Таштыкская эпоха в истории Хакасско-Минусинской котловины. М., 1960, С.101-104,106. Автор считает их одинаковыми по назначению с хантыйскими изображениями умерших.

Список иллюстраций к статье З.П.Соколовой
"Изображения умерших у хантов и манси"

Рис.1. Вместилище души умершей женщины (с.Шишинги, р.Обь).

Рис.2. Четыре вместилища душ умерших с вотивной одеждой и платками (с.Шишинги, р.Обь).

Рис.3. Вместилище души умершего мужчины (с.Шишинги, р.Обь).

Рис.4. Вместилище души умершей женщины (с.Шишинги, р.Обь).